
ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

В.С. Попова

ПСИХОЛОГИЗМ КАК ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА И СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublsh.com

Аннотация. В статье определяется содержание проблемы психологизма в интерпретации логики. Проблема психологизма рассматривается в связи с логико-методологическими исследованиями некоторых русских философов в перекличке с зарубежными разработчиками этой темы (Владиславлев-Милль, Введенский-Лосский, Шпет-Зигварт-Вундт). Актуальность парадигмы психологизма выражается в нескольких логико-методологических тенденциях (значимость эмпирического субъекта познания в современной гуманитарной эпистемологии; современная конвергенция логики, аргументорики, когнитивных наук, исследований по искусственному интеллекту; возрастающая роль неформальной логики и её подходов к анализу аргументации). Обращение к проблеме психологизма внутри различных философских систем показательно с точки зрения развития методологии гуманитарной эпистемологии, становления самосознания гуманитарных дисциплин. Выделяются проблематические контексты, в которых велись споры относительно демаркации логического и психологического. Современные эпистемологические подходы (например, культурно-историческая методология) актуализирует значимость диалогизма различных ракурсов авторского научного исследования и вневременность постановки вопросов, затрагивающих проблемы определение предмета научного знания (логики, психологии, философии).

Ключевые слова: психология, логика, психологизм, метапсихологизм, эпистемологический стиль, логико-методологические тенденции, культурно-исторический подход, М.И. Владиславлев, А.И. Введенский, Н.О. Лосский. *nalysis, Freud, dissociation, microscene, advertising, violence.*

Review. The article is devoted to the problem of psychologism in terms of logic. Psychologism is viewed with reference to logical and methodological researches of some Russian philosophers of the XIX-XX centuries as well as foreign researches of this issue (Vladislavlev-Mill, Vedensky-Losky, Shpet-Sigwart-Wundt). The importance of the psychologism paradigm is expressed in several logical and methodological tendencies (importance of the empiric subject of cognition in modern humanitarian epistemology; contemporary convergence of logic, argumentorics, cognitive science and researches of artificial intelligence; and a growing role of informal logic and its approaches to the analysis of argumentation). Examination of psychologism problem in various philosophical systems is very significant from the viewpoint of the humanitarian epistemology development and humanitarian discipline evolution. The author also describes debates on the demarcation of logical and psychological phenomena. Today's epistemological approaches (for example, cultural and historical methodology) emphasize the importance of the dialogue between different aspects of research and the eternal nature of questions about the subject of science (logic, psychology and philosophy). The author treats cultural and historical approach as the most effective for contemporary psychologism problem research.

Keywords: logic, psychology, psychologism, metapsychologism, epistemological style, logical and methodological tendencies, cultural and historical approach, Mikhail Vladislavlev, Alexander Vvedenskiy, Nikolay Losskiy.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-03-00564
«Проблема психологизма в логических учениях второй половины XIX – начала XX века
(Англия, Германия, Россия)».

Проблема развития и роста научного знания – одна из самых животрепещущих и будоражающих мысль эпистемологов и методологов науки. Предлагались и предлагаются, описываются разные модели и версии расширения знания и гонки «рациовооружений» науки. Конвергенция различных областей знания в истории науки зачастую оказывалась таким механизмом открытия новых перспектив исследований. Подобные ситуации ставили интеллектуальное сообщество перед проблемами, которые, преломляясь в различных исследовательских контекстах, задавали основополагающие направления стилю научного мышления эпохи и открывали новые ракурсы научных интерпретаций. Одной из таких проблем явилась, на наш взгляд, проблема психологизма в противоборстве с антипсихологизмом. С середины XIX в. психология как область знания, дающая наиболее существенную информацию о феномене человеческого мышления, устанавливая методологические и теоретические связи с гносеологией, логикой, философией языка, осмысливала свой теоретический базис. Но этот процесс оказывал влияние на стили и типы интерпретаций в науках, соседствовавших с психологией в культурно-историческом и концептуальном пространстве культуры. Г.В. Сорина фиксирует многогранность проявлений антитезы психологизма-антипсихологизма в интеллектуальном поле культуры:

«Спор между психологизмом и антипсихологизмом в качестве важной пресуппозиции присутствует:

- во фрегевской концепции логики, определившей во многом современное состояние логики;
- в гуссерлевской феноменологии;
- в некоторых принципиальных положениях семиотики;
- в программных установках неопозитивизма;
- в концепциях раннего и позднего Витгенштейна;
- в попперовской методологии;
- в сосюровской лингвистической концепции;
- в бахтинской теории полифонии и диалогизма;
- в психологии искусства Выготского.

Это – незавершённый список, ибо в той или иной форме спор между психологизмом и антипсихологизмом присутствует и в других пластах гуманитарного знания. Анализ текстов соответствующих областей гуманитарной культуры иногда давал «критерии», иногда – «симптомы» (в витгенштейновских терминах) наличия обсуждаемой проблематики в качестве существенной пре-

суппозиции в перечисленных выше концепциях» [23, с. 26]. Мощная критика психологизма со стороны зарубежных логиков (Г. Фреге, Э. Гуссерль, Я. Лукасевич), казалось бы, однозначно определила склонность к психологизму как негативную для самоопределения любой науки погрешность, которая способна «прокрасться» в теорию незамеченной только в том случае, если ученый не усвоил конвенции об объективном «третьем мире» характере истины и других идеальных объектов, а значит – вовсе не выстроившим образа подлинно научной рациональности. Известный исследователь психологизма М. Куш обобщает: «За очень немногими исключениями немецкие философы соглашались с тем, что психологизм представляет собой философскую ошибку и что он должен быть изгнан из философии раз и навсегда» [30, р. 95]. В общем, к концу первой трети XX века победа антипсихологизма представлялась свершившимся фактом, расставлявшим все точки над «i», железно обоснованным. В отечественной философской традиции обсуждение психологизма как такового, как обозначенной и объективированной проблемы было не столь очевидным. Спор, дискуссионный обмен мнениями в публикациях по поводу приверженности психологизму и попыток отмежеваться от обвинений в нём достаточно ярко представлен, пожалуй, только у А.И. Введенского и Н.О. Лосского. Но обсуждение самой содержательной сути проблемы вплетено в контекст обсуждений логико-гносеологических, методологических, историко-философских у достаточно широкого круга русских мыслителей. Эти размышления стали почвой, питательной средой, в которой проросли объединяющие эпоху русской философии проявления эпистемологического стиля [см.: 28]: историзм и проблема эпистемологии исторического знания, проблема личности и «чужого Я», семиотические проблемы, проблема рациональности. Рассмотрение философских систем показательны с точки зрения проблемы психологизма в контексте становления методологии гуманитарной эпистемологии, развития самосознания гуманитарных дисциплин. Как, каким образом, через каких авторов прошла проблема психологизма, почему следует возобновлять разговор о ней как в историко-философском, так и в методологическом ракурсе, почему она вновь обнаруживает свою актуальность? Постараемся ответить на эти вопросы.

Психологизм можно определить как позицию в интерпретации оснований некоторой области

научного знания (в данном случае – логики), при которой ключевые структуры, понятия, явления и процессы этой области отождествляются с психологическими структурами, понятиями, явлениями и процессами. Отечественные авторы рубежа XIX–XX вв. (времени, когда психологизм активно дискутировался в континентальной философии), как правило, говорят о *психологизме в логике*. Современная точка зрения на проблему психологизма, которая представляется более точной, устанавливает, что психологизм – характеристика, принадлежащая не самой логике, а философии логики. Поэтому условимся говорить именно о психологистской (или антипсихологистской) *интерпретации логики* и не об отождествлении логических и психологических структур, а об отношении моделирования между ними [см.: 4, с. 39–45; 5, с. 86–87]. Такая современная интерпретация психологизма представлена в концепции метапсихологизма В.Н. Брюшинкина: «Метапсихологизм сохраняет непсихологистское обоснование логических процедур, но вместе с тем создаёт возможность рассматривать их как модели естественного мышления» [5, с. 98]. В свете актуализации проблемы психологизма в XXI в. представляет интерес обращение к истории понятия, именно здесь, по-видимому, кроются основания для различных её современных интерпретаций, отвечающих тенденциям и нынешнему характеру развития научного знания.

Актуальность парадигмы психологизма выражается в нескольких *логоико-методологических тенденциях*:

- 1) значимость эмпирического субъекта познания в современной гуманитарной эпистемологии в противовес антипсихологистскому абстрактному субъекту чистой логики. «С расширением понятия объективного и включением в его состав субъективно-деятельностных проработок реальности требуется поиск новых видов рефлексивности, учитывающих это важное обстоятельство» [6, с. 6]. Должны учитываться культурно-ценностные основания научно-познавательной деятельности в области логики, как и во всякой науке в контексте неклассической рациональности. Так, при философско-логическом взгляде на проблему принимается во внимание ум субъекта, работающего с логической системой, т.е. производится металогическое рассмотрение мышления, при котором сам логический вывод есть результат действий субъекта логических процедур;
- 2) современная конвергенция логики, аргументорики, когнитивных наук, исследований по искусственному интеллекту. При работе в этом предметном поле исследователь может исходить из гипотезы о моделируемости естественного интеллекта искусственным, т.е. из психологистской по сути установки.
- 3) возрастающая роль неформальной логики и её подходов к анализу аргументации, при котором учитывается то, что большинство сфер интеллектуальной и практической деятельности не могут быть описаны чисто формально-логическими средствами [см.: 10; 11; 24; 29].

Отдельно следует сказать о том, что современная психология достигла таких теоретических и практических научных высот, которые не идут ни в какое сравнение с тем, что могла предложить ассоциативная и экспериментальная психология XIX в. для имевшей собственные внятные, проверенные временем и устоявшиеся научные абстракции логики. Применимость методологических подходов психологии в других современных областях теперь абсолютно эвристически оправданна. Общим знаменателем, связующим представления об уникальности психики, сознания личности с типологизирующими формообразующими понятиями логического выступает понятие культуры. В.Н. Порус обращает внимание на то, что «КИП (культурно-исторический подход – В.Л.) и принципы культуры выражаются одними и теми же словами. Например, «личность» – это психологическая категория и в то же время онтологическая основа культуры. То же можно сказать о «мышлении», о «субъекте» и т.д. КИП говорит о своих объектах языком культуры, а онтологические основания культуры выражаются языком психологии. Эти языки «прорастают» друг в друга, они неслиянны и нераздельны» [22]. Логика несомненно, является частью культуры, неотъемлемой частью рациональности, разлитой в культуру народа и каждой личности, частью языка, системой, порождающей языки и символические интерпретации каких-то предметных областей. Таким образом, культурно-историческая методология современной психологии позволяет говорить языком культуры о логике, такое антропологическое представление логики приходит только сейчас, в последние десятилетия философско- и историко-логических исследований [см, напр.: 3; 13].

Итак, сегодня можно говорить о возрождении психологизма, но в ином качестве. Психологизм логико-методологически актуален не как узурпация

предметов других областей знания психологией, а как особый методолого-эпистемологический ракурс исследования в связи с новейшими тенденциями современного постнеклассического характера науки. Теперь отвлечёмся от современности и погрузимся в историю проблемы, обратимся к опытам её осмысления в бытии отечественной мысли и некоторым историческим предпосылкам этого процесса.

Пожалуй, самой универсальной для конца XIX – начала XX вв. фиксацией сути проблемы психологизма будет следующее. Логика, являясь формальной и нормативной дисциплиной в силу возникающих перед ней практических и методологических задач должна быть увязана с реальностью человеческого мышления и его действий. Эти действия, процессы, в свою очередь, изучаются психологией. Таким образом, логические структуры и процессы могут быть сведены к психологическим структурам и процессам. Эксплицируя психологистское содержания из логических концепций, философских рассуждений различных авторов, будем принимать во внимание следующие проблематические контексты:

- 1) вопрос о соотношении логики и психологии, о предметном поле обеих дисциплин;
- 2) вопрос о природе логических законов и их оснований в мышлении, гносеологический статус логических законов;
- 3) вопрос о нормативности-дескриптивности логики по отношению к человеческому мышлению;
- 4) вопрос о формальном и неформальном характере логики, о «чистоте» логических форм;
- 5) вопрос о практической стороне логики, о принятии ею во внимание характеристик субъекта познания (например, в связи с образовательными задачами).

Можно выделить несколько факторов, оказавших существенное влияние на характер рецепции, разработку и способы обсуждения проблемы психологизма в России рассматриваемого периода.

На первых порах становления более или менее самостоятельных изложений логики сильна была приверженность традиции совместного преподавания логики и психологии как философских дисциплин, связанных с мышлением. Эта характерная тенденция слиянности логики, философии и психологии в образовательном процессе во второй половине XIX в. приводила к тому, что зачастую университетские философы не считали нужным

проводить демаркацию предмета логики от предмета гносеологии и психологии. И даже напротив – считали, что исчерпывающее знание философии должно было иметь комплексный логико-психологический характер. Например, в «Соображениях и проекте учебного плана для историко-филологического факультета» от 1889 г. М.И. Владиславлев (ректор Петербургского университета 1887-1890) указал на необходимость обязательного для всех специальностей изучения философии в объеме 12 часов в семестр. «Относительно последней, – пишет он, – следует заметить, что под нею разумеется: логика (4 часа), история древней философии (4 часа), требуемые на теперешних государственных экзаменах, и психология (4 часа)» [8, с. 4]. В учебной литературе отразилась та же традиционная необходимость психологической пропедевтики для усвоения философии и логики. Например, из предисловия к учебнику логики Владиславлева: «За учебником я помещаю “Краткий очерк основных душевных явлений”, что делаю согласно учебному плану преподавания логики» [9, с. 2]. Эта институциональная целостность философии, логики и психологии послужила одним из оснований для того, чтобы вносить черты психологизма как в учебную литературу по логике конца XIX – начала XX вв., так и в осмысление предметного поля логики [см.: 1].

Существенным фактором, инициировавшим явное обсуждение проблемы психологизма и различных логико-гносеологических вопросов, с ней сопряженных, был, несомненно, интерес к идеям классических психологистов XIX в.: Д.С. Милля, Т. Липпса, Х. Зигварта, В. Вундта (называемых в немецкой историко-логической традиции конциннистами). Одно из первых мест в умах, обращавшихся к различным зарубежным систематическим изложениям логики, занимал всё же именно Д.С. Милль. «В семидесятых годах прошлого столетия Конт и Милль пользовались более широким и бесспорным признанием, чем любой из современных кумиров философской мысли» [17, с. 310], – пишет Л.М. Лопатин. «Знаменитая “Положительная логика” Милля, наделавшая так много шума и на родине и за границей, и наконец, у нас в России, занимает видное место и составляет целую эпоху в истории науки о мышлении...» [21, с. V], – вторит ему редактор А.П. Федоров. Помимо перевода фундаментальной «Системы логики» (впервые опубликован в России в 1865-67 гг. под редакцией П.Л. Лаврова), в ходу были разного рода популярные изложения логики

Милля, адресованные «всей массе русской интеллигенции» (так указано в одном из изложений). Миллем действительно широко интересовались и профессиональные философы, и вольно философствующая публика.

Одним из первых академических приверженцев концепции Милля был М.И. Владиславлев. Попав под влияние досконального и внушавшего доверие миллевского разбора логических вопросов, он, скорее всего невольно, склонился к принятию позиции психологизма (во всяком случае, в публикациях Владиславлева не содержится отчетливой постановки проблемы предметного соотношения логики и психологии). О психологизме в видении логики М.И. Владиславлевым можно судить из следующего его определения: «она (логика – В.П.) есть наука о приёмах мышления, как душевной деятельности, сравнивающей и сопоставляющей, соединяющей мысли в одно целое и творческой» [9, с. 3]. Логика изучает душевную деятельность, т.е. в данном случае логические процессы, отождествляются с психологическими процессами, а факты душевной жизни делают возможным логическое мышление.

Психологизм как методологический и эпистемологический подход к структурированию и определению предмета некоторой области знания был свойственен многим русским мыслителям, посвящавшим свои труды различным аспектам философского исследования. Например, Н.Я. Грот предложил известный проект реформы логики, и одновременно уделил много внимания психологическим исследованиям и их научной институализации в виде публикаций, научных обсуждений, экспериментальных исследований. Согласно его способу классификации наук, они могут быть упорядочены исходя из исторического и психологического методов. Эти же методы используются Гротом для определения предмета и задач философии. Релевантность психологического подхода к философии обосновывается тем, что Грот справедливо рассматривает философию как особую духовную деятельность, имеющую, в конечном счёте, ценностно-этические установки и историческое измерение, становление, эволюцию. В этом смысле он отмечает, что «исторический и психологический методы <...> не дают права отчаиваться в будущем философии, а позволяют, напротив, надеяться, что при помощи критики, основанной на данных истории философии и психологии, удастся проникнуть в смысл истинных задач и в характер

настоящих методов философии и определить путь её дальнейшей разработки единообразно и бесповоротно» [14, с. 126]. Психология оказывается как бы метазнанием, методологической пропедевтикой для различных наук и философии на том основании, что всякое психическое взаимодействие человека с миром имеет основания «не только в мире, но и в самом человеке, не только в мысли, но и в чувстве» [15, с. 151], а исследование этих основополагающих элементов сознания обеспечивается теорией «психического оборота» (в трактовке Грота). Таким образом, по Гроту, и логика должна опираться на психологию в связи с тем, что анализ всякой познавательной деятельности может быть произведен только с использованием данных о психической деятельности в целом, с применением психологических методов. Интересно, что в «ослабленной» форме этот тезис о необходимости психологических данных для теории познания (и логики как её части) встречается в «Логике» убежденного антипсихологиста А.И. Введенского. Отмечая независимость логики от психологии, он признает, что «логике приходится по временам ссылаться на некоторые психологические факты», чем, однако, «не умаляется самостоятельность логики относительно психологии»; и далее: «логике приходится указывать на факт переживания нами суждений и умозаключений»; «логике приходится ссылаться на то, что мы в состоянии *мыслить* (т.е. переживать различные суждения и умозаключения) о многом таком, чего мы не *представляем себе* и не в силах *представить* <...>» (курсив Введенского) [7, с. 4].

Ученик Грота Г.И. Челпанов также фундирует философское знание на психологии. В частности, он приводит следующий аргумент: «связь философии с психологией является необходимой, <...> психология должна являться основой философии, именно она должна способствовать построению науки о духе», поскольку обеспечивает выявление основных его свойств [25, с. 14-15]. Известно, что Грот и Челпанов составили мощное начинание в деле становления самостоятельной отечественной экспериментальной психологии. При этом в свое время они признавали, с одной стороны, слабость имеющихся теоретических и экспериментальных наработок психологической науки и, с другой стороны, мощь философской традиции в гносеологической её части. Понимание этого диссонанса и уверенность в методологической значимости психологии во многом и продвигала их психоло-

гические штудии. Всё же в такой ситуации теоретическая опора на психологию ещё не могла быть достаточно надежной, резонна мысль о том, что увлечение психологизмом препятствовало развитию логики в России рассматриваемого периода. Однако есть мнение В.А. Бажанова, специалиста по логике Н.А. Васильева, логике прорывной, неординарной: «Принято считать, что психологизм тормозил развитие логики. В определённом смысле с этим можно согласиться. Тем не менее, в случае, скажем, с Н.А. Васильевым именно эвристический потенциал психологизма, относящийся к механизмам активности субъекта познания, позволил высказать и реализовать идею “воображаемых логик”, совершив тем самым важный прорыв к созданию семейства неклассических логик» [2].

Кроме указанной тенденции к развитию новаторского взгляда на логику и, в связи с решением этой задачи, обращение к психологии как методологическому и теоретическому основанию такого построения, можно выделить ещё одно явление в русской логике конца XIX – начала XX вв. Это стремление некоторых авторов к развитию «практической логики» (разбору этого вопроса посвящена публикация [12]). Представления о «практической логике», которое можно реконструировать из некоторых русских логических концепций (например, М.И. Каринского, Н.Я. Грота, Л.В. Рутковского), явно представлено лишь у С.И. Поварнина, именно он использует понятие «практическая логика». Идеи построения практической логики объединяет то, что они основывались на представлениях о необходимости приближения логики к реальным процессам рассуждений, к тем условиям действий ума, которые сопровождают реальные ситуации решения житейских, образовательных, познавательных задач. Обсуждение шло в русле того, насколько логика способна описать живой процесс рассуждения.

Контекст проблемы психологизма и даже шире – проблемы определения предмета логики и её методологической роли удивительным образом формировал общее смысловое поле рассуждений отечественных и зарубежных авторов на протяжении достаточно продолжительного времени. Так, выстраивая соотношения формального и содержательного в логике, психологист Х. Зигварт пишет: «признавая логику формальной наукой, мы не думаем этим сказать, что она должна сделать тщетную попытку понять мышление вообще как просто формальную деятельность, которая могла

бы рассматриваться обособленно от всякого содержания и которая относилась бы равнодушно к различиям в содержании. Мы не думаем также сказать, что логическое исследование должно совершенно отвлечься и игнорировать общие свойства содержания и предпосылок действительного мышления» [16, с. 36]. Это сказано в «Логике» 1873 г., в первом томе. А вот в 1916 г. в диссертации «История как проблема логики» Г. Шпет говорит о том, что логика, будучи формальной наукой, не изучает «пустые» формы, лишённые всякого содержания [26, с. 46]. Содержательность логики он связывает с осмысленностью «слова-понятия», через которое только и может излагать себя наука, пропущенная через внутренний мир, через историчность учёного. Содержание понятие оживает благодаря этой осмысленности, а «формалистическая логика одного только объёма никогда не смогла бы выполнить своих задач» [26, с. 47], т.е. задач методологических. Поэтому математизация логики не может иметь, по убеждению Шпета, сколько-нибудь плодотворного методологического результата. Впрочем, математизация логики была чужда зарубежным психологистам.

Интересно, что логика в контексте шпетовского понимания её предмета получила своеобразное антропологическое и гуманитарно-методологическое измерение. При этом связь логики с гносеологией, антропологические и практические аспекты логики, вывели Шпета к феноменологическому переосмыслению. Г. Шпет страстно пытался «откреститься» от психологизма и занять в этом вопросе серединную разумную позицию «наблюдателя»: «философия страдает не только от психологизма в логике, но ещё, может быть, в большей степени от совершенно аналогичного недуга, от логицизма в психологии» [27, с. 250]. О необходимости разграничения логики и психологии Шпет говорит с увлечённостью, находящейся вполне в фарватере европейских обсуждений того времени: «Итак, логицизм в психологии есть такой же недуг философии, как психологизм в логике. Как логика должна быть очищена от психологии, так и психология должна быть очищена от логики, которой она пронизана насквозь. Нужны ли ещё особые доказательства этому?» [27, с. 250-251]. Подобную идею неверия в методологическую крайность логицизма высказал и В. Вундт, замечая в 1910 г., что не только психологизм плох тем, что заменяет логику психологией, но и логицизм способен загубить психологию, превращая её в логику.

Европейская тенденция взаимных обвинений в психологизме, и попыток отмежеваться от него стала характерной чертой и отечественных дискуссий о предмете логики и психологии. Усилия мыслителей были направлены на то, чтобы снять с себя обвинение в психологизме и, напротив, усмотреть признаки психологизма в позиции оппонента (дискуссия А.И. Введенского и Н.О. Лосского). Каждый из авторов всевозможными способами вскрывает черты психологизма в противной теории и пытается отделить логику от психологии в собственном учении. На страницах «Логика как части теории познания» (3-е изд. 1917 г.) А.И. Введенский говорит о теории своего ученика Н.О. Лосского как о «метафизико-психологической», до которой «логике нет никакого дела» [7, с. 8]. Главная претензия к логической части интуитивизма Н.О. Лосского состоит в «смещении логической точки зрения на мышление с психологической» [7, с. 296]. К такому результату приводит «рассмотрение тех душевных переживаний, посредством которых *возникают* (курсив Введенского) суждения и умозаключения» [7, с. 110]. У Лосского следующим образом описывается механизм отношений процесса, происходящего в мышлении субъекта познания, с объектом, на который направлен этот процесс: «Когда совершается процесс знания, выражающийся словами „я рассержен“ или словами „умозаключение, всякое удлинение маятника замедляет ход его, теплота удлиняет маятник, значит, она замедляет ход его, есть умозаключение дедуктивное по первой фигуре силлогизма“, то несомненно, что объекты знания „гнев“ и „дедуктивное умозаключение“ переживаются в самом этом процессе знания» [18, с. 72]. Такое видение зиждется на убежденности Лосского в том, что объект познания принадлежит процессу познания как переживание. Помимо Введенского это положение вызывает сомнения и у современных авторов: «В случае «дедуктивного умозаключения» речь идёт об объекте знания (фигуре силлогизма), который вообще не является переживанием. Можно далеко зайти, считая фигуры силлогизма переживаниями» [20, с. 30]. «Уравнивая знание и его объект, Лосский «доказывает» присутствие второго в первом. В целом это доказательство базируется на предпосылке: если нечто осознается, то это нечто присутствует в сознании» [20, с. 33]. В таком случае знание о некоей логической структуре, например о силлогизме, определяет его психологическую укоренённость в мышлении субъекта, это создаёт веские основа-

ния для признания склонности Лосского к психологической интерпретации логики, склонности невольной, являющейся следствием своеобразия его гносеологической системы, которой он подчиняет фактически логику, строя её «интуитивистический» вариант.

Остается сказать, что в оценке Лосского А.И. Введенский сам предложил как раз психологически-феноменалистическую интерпретацию гносеологии Канта в виде «Логика как части теории познания» [19, с. 221], которая по сути дела содержит в себе скрытый психологизм.

Все эти дискуссии по проблеме психологизма отчётливо демонстрируют парадоксальный факт: определение предмета науки не как универсального и общего для поливариантных концепций поля, а именно как ракурса авторского научного исследования возможно во взаимопроникновении, совместных методологических усилиях разных областей знания, в споре, в диалоге. Г. Шпет в «Истории как проблеме логики, и раньше, в лекциях по логике, указал на то, что логика незаменима методологически для очерчивания предмета исследования. Современные авторы, актуализирующие методологические проблемы психологии, замечают характерную проблему: «методологические ориентиры приобретают смысл, когда определен объект исследования. Главная же проблема, стоящая перед психологом, в том, что «психическое» в значительной степени не определимо раз и навсегда для всех одинаково, и, более того, в принципе не может быть универсальным образом определено как предмет такого исследования» [6, с. 6].

Сегодня с продолжающимся обсуждением методологических подходов психологии на метауровне, на уровне построения методологических моделей возникают вопросы, определяющие взаимопроникновение логического и психологического. Сам опыт «думания о думании», подходы к тому, каким образом должен быть выражен и понят этот процесс придаёт некую человекомерность логике и логические признаки осмыслению мышления. Метафизический вопрос о том, что есть мысль, который когда-то приводил к конфронтации психологизма и антипсихологизма в контексте постнеклассического состояния знания допускает поливариантность видения проблемы, ибо сам предмет спора может являться одновременно чем-то объективно значимым и субъективно значимым. Логика и психология (прежде было представлено в спорах о правах и границах) и теперь пытаются узреть, «что стоит за

мыслью <...> Увидеть за мыслью – это и есть интеллектуальная рефлексия по поводу мысли, начало её обоснования, доказательство» [6, с. 213] Ведь у всякой мысли есть некие значимые основания для её принятия, присвоения, введения во внутренний и внешний мир. Здесь нельзя согласиться с А.И. Введенским, разграничивавшим дело логики и психологии, полагая, что последняя относится к своему материалу совершенно безоценочно. «Мы постоянно

сталкиваемся с тем, что мысль, независимо от её истинности или ложности, проявляет себя то в слове, то в образе, то в действии, то в поступке, то во всем этом вместе и ещё в чем-то неуловимом, таинственном, хотя, возможно, именно это неуловимое и есть самое существенное и интересное в мысли» [6, с. 212] Это и есть то, что ценно в мысли, в мысли ценна сама мысль, это и создаёт общее логико-психологическое поле исследования.

Список литературы:

1. Бажанов В.А. Прерванный полёт. История «университетской» философии и логики в России. М.: Изд-во МГУ, 1995.
2. Бажанов В.А. Психологизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки (URL: http://www.enc-dic.com/enc_epist/Psihologizm-i-antipsihologizm-579.html (дата обращения: 08.06.2015)).
3. Брюшинкин В.Н. Антропологические измерения логики // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. Вып. 6: Сер. Гуманитарные науки. Калининград, 2006. С. 6-11.
4. Брюшинкин В.Н. Логика. Мышление. Информация. Л., 1988.
5. Брюшинкин В.Н. Психологизм на пороге XXI века // Логическое кантоведение – 4: Труды международного семинара. Калининград, 1998.
6. Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г., Петровский В.А., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Методология психологии: проблемы и перспективы. М.; СПб., 2012.
7. Введенский А.И. Логика, как часть теории познания. Пг., 1917.
8. Владиславлев М.И. Соображения и проект учебного плана для историко-филологического факультета. СПб., 1889.
9. Владиславлев М.И. Учебник логики. Изд. 4-ое. М., 1905.
10. Грифцова И.Н. Неформальная логика как практическая логика // Трансцендентальная антропология и логика. Калининград, 2000.
11. Грифцова И.Н. Соотношение формальной и неформальной логики: философско-методологический анализ. М., 1999.
12. Грифцова И.Н. Теоретическая и практическая логика в исследованиях русских логиков // Научная конференция «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке», 19-21 июня 1996 г. Тезисы докладов. СПб., 1996.
13. Грифцова И.Н., Сорина Г.В. Гуманитарное обоснование логики: проблемы и подходы // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Вып. Психология. Философия. М., 1996.
14. Грот Н.Я. К вопросу об истинных задачах философии // Грот Н.Я. Философия и её общие задачи: сборник статей. СПб., 1904. С. 122-146.
15. Грот Н.Я. О направлении и задачах моей философии // Грот Н.Я. Философия и её общие задачи: сборник статей. СПб., 1904. С. 146-161
16. Зигварт Х. Логика. Т. 1. Учение о суждении, понятии и выводе / Пер. с нем. И.А. Давыдова. М., 2008.
17. Лопатин Л.М. Философские взгляды В.Я. Цингера. // Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи. М., 1995.
18. Лосский Н.О. Избранное. М., 1991.
19. Лосский Н.О. Логика. Часть вторая. Пг., 1922.
20. Молчанов В. Позиции и предпосылки. Теория знания Н.О. Лосского и феноменология // Логос. 2010. № 5(78). С. 22-42.
21. Положительная логика Д.С. Милля. Её основные начала и научная постановка. Общедоступное изложение под ред. А.П. Федорова. СПб., 1898.
22. Порус В.Н. Методологические вызовы психологии (размышления о книге) // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 52-62. (Цит. по: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1046&Itemid=52) (дата обращения: 3.06.2015)).
23. Сорина Г.В. Проект «психологизм-антипсихологизм» в метатеоретическом контексте // Радио.ru. 2012. № 8. С. 20-45.
24. Хоменко И.В. Неформальные исследования в теории аргументации: проблема классификации. // Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность. Калининград, 2008. С. 50-62.
25. Челпанов Г.И. Психология. Основной курс, читанный в Московском университете в 1908-1909 гг. М., 1909.
26. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Часть первая. Материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.; СПб., 2014.
27. Шпет Г.Г. Один путь психологии и куда он ведёт // Шпет Г.Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2006.
28. Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX-XX веков: от личности к традиции / Под ред. Б.И. Пужинина и Т.Г. Щедриной. М., 2013.
29. Johnson R.H. Making Sense of “Informal Logic” // Informal Logic. 2006. Vol. 26. № 3. P. 231-258.
30. Kusch M. Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. London/New York: Routledge, 1995.

References (transliteration):

1. Bazhanov V.A. Prervannyi polet. Istoriya «universitetskoi» filosofii i logiki v Rossii. M.: Izd-vo MGU, 1995.
2. Bazhanov V.A. Psikhologizm / Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki. (URL: http://www.enc-dic.com/enc_epist/Psihologizm-i-antipsihologizm-579.html) (data obrashcheniya: 08.06.2015)).
3. Bryushinkin V.N. Antropologicheskie izmereniya logiki // Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. Immanuila Kanta. Vyp. 6: Ser. Gumanitarnye nauki. Kaliningrad, 2006. S. 6-11.
4. Bryushinkin V.N. Logika. Myshlenie. Informatsiya. L., 1988.
5. Bryushinkin V.N. Psikhologizm na poroge XXI veka // Logicheskoe kantovedenie – 4: Trudy mezhdunarodnogo seminar. Kaliningrad, 1998.
6. Vasilyuk F.E., Zinchenko V.P., Meshcheryakov B.G., Petrovskii V.A., Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy. M.; SPb., 2012.
7. Vvedenskii A.I. Logika, kak chast' teorii poznaniya. Pg., 1917.
8. Vladislavlev M.I. Soobrazheniya i proekt uchebnogo plana dlya istoriko-filologicheskogo fakul'teta. SPb., 1889.
9. Vladislavlev M.I. Uchebnik logiki. Izd. 4-oe. M., 1905.
10. Griftsova I.N. Neformal'naya logika kak prakticheskaya logika // Transtsendental'naya antropologiya i logika. Kaliningrad, 2000.
11. Griftsova I.N. Sootnoshenie formal'noi i neformal'noi logiki : Filososko-metodologicheskii analiz. M., 1999.
12. Griftsova I.N. Teoreticheskaya i prakticheskaya logika v issledovaniyakh russkikh logikov // Nauchnaya konferentsiya «Sovremennaya logika: problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke», 19-21 iyunya 1996 g. Tezisy dokladov. SPb., 1996.
13. Griftsova I.N., Sorina G.V. Gumanitarnoe obosnovanie logiki: problemy i podkhody // Gumanitarnaya nauka v Rossii: Sorosovskie laureaty. Vyp. Psikhologiya. Filosofiya. M., 1996.
14. Grot N.Ya. K voprosu ob istinnykh zadachakh filosofii // Grot N.Ya. Filosofiya i ee obshchie zadachi: sbornik statei. SPb., 1904. S. 122-146.
15. Grot N.Ya. O napravlenii i zadachakh moei filosofii // Grot N.Ya. Filosofiya i ee obshchie zadachi: sbornik statei. SPb., 1904. S. 146-161
16. Zigvart X. Logika. T. 1. Uchenie o suzhdenii, ponyatii i vyvode / Per. s nem. I.A. Davydova. M., 2008.
17. Lopatin L.M. Filosofskie vzglyady V.Ya. Tsingera. // Lopatin L.M. Filosofskie kharakteristiki i rechi. M., 1995.
18. Losskii N.O. Izbrannoe. M., 1991.
19. Losskii N.O. Logika. Chast' vtoraya. Pg., 1922.
20. Molchanov V. Pozitsii i predposylki. Teoriya znaniya N.O. Losskogo i fenomenologiya // Logos. 2010. № 5(78). S. 22-42.
21. Polozhitel'naya logika D.S. Millya. Ee osnovnye nachala i nauchnaya postanovka. Obshchedostupnoe izlozhenie / Pod red. A.P. Fedorova. SPb., 1898.
22. Porus V.N. Metodologicheskie vyzovy psikhologii (razmyshleniya o knige) // Voprosy filosofii. 2014. № 11. S. 52-62. (Tsit. po: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1046&Itemid=52) (data obrashcheniya: 3.06.2015)).
23. Sorina G.V. Proekt «psikhologizm-antipsikhologizm» v metateoreticheskom kontekste // Ratsio.ru. 2012. № 8. S. 20-45.
24. Khomenko I.V. Neformal'nye issledovaniya v teorii argumentatsii: problema klassifikatsii // Modeli rassuzhdenii – 2: Argumentatsiya i ratsional'nost'. Kaliningrad, 2008. S. 50-62.
25. Chelpanov G.I. Psikhologiya. Osnovnoi kurs, chitanni v Moskovskom universitete v 1908-1909 gg. M., 1909.
26. Shpet G.G. Istoriya kak problema logiki. Chast' pervaya. Materialy / Otv. red.-sost. T.G. Shchedrina. M.; SPb., 2014.
27. Shpet G.G. Odin put' psikhologii i kuda on vedet // Shpet G.G. Philosophia Natalis. Izbrannye psikhologo-pedagogicheskie Trudy / Otv. red.-sost. T.G. Shchedrina. M., 2006.
28. Epistemologicheskii stil' v russkoi intellektual'noi kul'ture XIX-XX vekov: ot lichnosti k traditsii. Kollektivnaya monografiya / Pod red. B.I. Puzhinina i T.G. Shchedrinoi. M., 2013.
29. Johnson R.H. Making Sense of "Informal Logic // Informal Logic. 2006. Vol. 26. № 3. P. 231-258.
30. Kusch M. Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. London/New York: Routledge, 1995.